

Греческие мифы в мировой поэзии – XX век

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Греческие мифы в мировой поэзии – XX век Греческие мифы в мировой поэзии – XX век

• ЯННИС РИЦОС

Яннис Рицос (р. 1909) – греческий поэт. Родился в семье разорившегося землевладельца. Перевел на греческий язык поэму А.Блока «Двенадцать» и стихи В. Маяковского. В годы второй мировой войны принимал участие в Сопротивлении, после войны подвергался преследованиям, прошел через концлагерь. Падение военной диктатуры в 1974 г. принесло свободу и поэту, и его книгам. Выпустил более 50 поэтических книг. Первый – «Тракторы» (1934), затем «Пирамиды» (1935), поэма «Эпитафии» (1936), «Песнь моей сестре» (1937), «Испытание» (1943), «Лунная соната» (1956), «Свидетельства», том I (1963) и том II (1966), поэмы «Филоктет» (1965) и «Орест» (1966) и др.

• Из похода аргонавтов

Скалы, моря, приключения, лица и подвиги – полуподлинные, полуприснившиеся: даже гребцы названы по именам. Мы ничего не запомнили. Впрочем, когда сооружался корабль,

над портом среди деревьев блуждал
запах смолы и стружки и птицы кричали – в ту ночь,
пока строители спали, в лунном луче явилась Богиня
и прикрепила к корме кусок священного дуба из рощи в Додоне,
вещего дуба, владевшего даром речи. Позднее,
при возвращении, двенадцать дней и ночей
мы на плечах протащили через пустыню корабль.
Только ли это? А как не узнали мы доброго Кизика,
ночью ненастной убили его в заблуждении!
И ведь никто не спросил: почему же молчал талисман,
кусок священного дуба из рощи Зевеса в Додоне?

Богиня – Афина, вделавшая в корму корабля аргонатов кусок священного дуба из рощи оракула Зевса в Додоне. Кизик – царь страны долионов, радушно встретивший аргонатов. Когда аргонаты отплыли из страны долионов, противные ветры ночью пригнали корабль назад. Долионы приняли их за врагов, завязалось сражение, в котором Язон убил Кизика.

- **Финей**

Освободили гребцы старика от чудовищных гарпий зловонных,
пищу его пожиравших. Благодаря за спасенье,
дал он совет, как миновать Симплегады
грозные скалы, что с грохотом в море смыкались.
И вправду
им удалось пронестись, налегая на весла,
с малой потерей – раздробленным краем руля
да голубиным пером из хвоста. С этой самой поры
скалы застыли. В полете меж ними
он еще видел корабль, на корме
кто-то платком помахал, посылая прощальный привет,
он не увидел, а лишь догадался. Чуть позже
все погрузились в покой. И чего-то ему не хватало,
может быть хищниц, пищу его пожиравших... Нет, пожалуй не этого.
Вероятно –
грохота скал, не смолкавшего раньше всю ночь.

Финей – слепой прорицатель, чью пищу похищали и оскверняли ужасные птицы гарпии. Участники похода аргонавтов Зет и Калаид отогнали гарпий и навсегда осовобидили Финея от мук. За это он рассказал аргонавтам, как проплыть через Симплегады – расходящиеся и сдвигающиеся скалы, через которые не мог проплыть ни один корабль. Аргонавты выпустили голубя, и, когда птица пролетела между скал, они столкнулись и затем вновь разошлись. Этим моментом воспользовались аргонавты и проскочили опасное место. После этого Симплегады остановились навсегда.

• **Золотое руно**

Зачем добивались мы золотого руна? Еще одно испытание, возможно самое страшное; Симплегады, убийства; в Мизии отставший Геракл и его ослепительный мальчик – Гилас, потонувший в источнике; кормовое весло сломалось, и другого не будет, и не будет отдыха. Колхида, Эет, Медея. Медный бык. Приворотное зелье и бесполезность борьбы. И Апсирт – по кусочкам его подбирает отец из моря. И это руно – уже достигнута цель, и свежайший страх: как бы смертные или боги у тебя не украли твою добычу; если держишь руно в руке, его золотая шерсть освещает ночи твои, если держишь руно на плече, его золотая шерсть освещает тебя целиком, ты – мишень и для тех и для этих: никакой возможности спрятаться в тень, чтоб остаться в своем ничтожном углу, обнажиться, и быть, и существовать. Но чем была бы наша бедная жизнь без этой золотой (как мы говорим) пытки?

• **Вступление Тезея в Афины**

После радушной встречи и жертв, принесенных Мэлихию Зевсу на алтаре по ивами Кифиссоса, вступил он в Афины – юноша редкой красоты в пурпурном хитоне в фессалийском плаще, с копьем и мечом (рукоять из слоновой кости), в шлеме Лаконии. Надо сказать, что обликом он походил не на героя, а на гуляку и франта. Поэтому градом насмешек его наградили рабочие с крыши нового храма в честь Аполлона. Тогда юноша выпряг волов из повозки, оказавшейся рядом, поднял ее, как пушинку, одной лишь рукой и через храм перебросил. Потом, не промолвив ни слова, двинулся он во дворец. А с фронтона вместе с богами рабочие им восхищались.

По пути в Афины, куда Тесей шел на встречу со своим отцом Эгеем, он совершил несколько подвигов, убив разбойников Синида, Скирона, Прокруста и других. Обряд очищения от их крови он прошел у алтаря Мэлихия (милостивого) Зевса. Когда он вошел в город, рабочие строящегося храма Аполлона принялись насмехаться над красивым юношей, больше похожим на девушку, чем на юношу. Чтобы прекратить насмешки, Тесей перекинул повозку через головы рабочих, находившихся на крыше храма.

• **Подлинная причина**

Нет, суть не в том, что Аполлон передумал и взял обратно свое обещание и что плюнув Кассандре в рот, он лишил ее вещего дара и обрек на неубедительность все слова ее, этим самым погубив ее предсказания для нее самой и для нас, – нет. А суть лишь в том, что никто не желает поверить правде. И даже когда ты видишь сеть в ванной, ты склонен думать, что тебе ее приготовили для завтрашней рыбной ловли, и ты не слышишь совсем, как в тебе и снаружи на мраморной лестнице поднимается мрачная весть во дворец вместе с криками этой несчастной Кассандры.

Бог Аполлон, влюбленный в троянскую царевну Кассандру, наделил ее даром пророчества, но, отвергнутый ей, сделал так, что ее пророчествам никто не верил. После падения Трои Кассандра досталась Агамемнону. Когда Агамемнон вернулся домой в Микены и отправился принимать ванну, он был убит своей супругой Клитемнестрой и ее любовником Эгисфом. От их рук погибла и Кассандра.

• История

Что бы ни было, здесь я останусь, прошептал он.
Морской берег велик, камни
с ходом часов меняют окраску.
Глянешь в воду с окончанием сумерек –
увидишь последнего сына Фиеста
без меча и без венка,
лишь со шрамом звезды над правой почкой.
Прочее, скажешь ты, было в руках рока –
и любовь, и резня, и возвращение,
и смена властей, и отсутствие потомков,
и малый серебряный крестик
на веревочке, в тот самый вечер
втопанный в пыль конскими копытами.

Предположительно, героем стихотворения является Орест, убивший Эгисфа, последнего сына Фиеста, и завершивший кровавую историю рода Атридов.

• Выбор

Товарищи уснули на корме, на канатах,
и явилась она, взяла его за руку и повела
чуть подальше от берега, и рядом легла,
и все сказала ему, ничего от него не скрывая,
как смертная женщина своему супругу, –
какие трудности он встретит, какие предосторожности нужно
принять. Но, однако,
в самом главном она никаких наставлений ему не дала,

только сведения сообщила. Ему одному, говорила она, надо решать, ему одному выбирать (как будто существует выбор между двумя наихудшими вариантами). Да, ему одному. Вот он и остался один, повис, как летучая мышь, на дикой смоковнице, над черными внутренностями вспоротой бездны, ожидая еще одного короткого выдоха моря, один в последнем своем прыжке в океан, и один, потом снова один на расщепленной молнией мачте. И слава тоже принадлежала ему – единственная и, пожалуй, одинокая, слава.

Видимо, в стихотворении речь идет об Одиссее на острове волшебницы Кирки (Цирцеи).

• **Навзикая**

Лампа погасла, что ж ты замешкалась так, старая Эвримедуза? Нет, я есть не хочу, говорю тебе, только спать. Поскорее веки смежить, вот чего я хочу. Брось мне еще одеяло, куда подевалась жара? Я замерзла. Совсем голого я увидела его у канатов, с водорослями в волосах. Я ничего не хочу, только один за другим отлепить малые камешки, что пристали к его босым ступням, и вложить этот цветок, который держу у груди, вложить цветок в два его пальца, туда, где их разделил сандалии ремешок. Он теперь спит неподалеку, укрытый красным мои тряпьем.

Навзикая – дочь царя феаков; отправившись на берег моря вместе с рабынями стирать белье, она нашла там Одиссея, выброшенного на берег после кораблекрушения. Эвримедуза – ее няня, рабыня.

• **В доме Навзикаи**

Когда к вечеру вернулась она с речного берега в город, в свой город приморский, где даже в виноградной

беседке можно наткнуться на корабельную мачту,
братья сами вышли навстречу ей из дворца, распрягли мулов
и сняли с повозки и в дом понесли выстиранное белье,
сухое, душистое от солнца, лавра и мыла.
Был час, когда рабыни зажигают лампы и подают ужин.
Девушка сверкала в тот вечер какой-то иной красотой и вся
дрожала, боясь,
как бы не заметили братья, что ноша сегодня легче обычного,
что не хватает одного платья. Никто ничего,
разумеется, не заметил. Чужестранец
остался один за щедро политым садом. Когда он вошел во дворец,
только Арета узнала одежду сына своего Лаодамонта
на плечах чужестранца. Он встал перед ней на колени,
и она приняла его, как родного сына. «Поднимись» –
сказала она и посадила на лучшее место,
у колонны, где висела кифара Демодока.

Арета – царица феаков, мать Навзикаи, Лаодамонт – один из братьев Навзикаи. Демодок – слепой певец; на пиру, которые феаки устроили в честь спасенного чужеземца (Одиссея), он спел песню о подвигах и приключениях Одиссея.

• Отчаяние Пенелопы

И дело не в том, что она не узнала пришельца при свете,
который угрюмо очаг источал;
и дело не в рубище нищего странника, не в маскараде, нет;
явные признаки:
шрам у него на колене, и сила живая при нем, и лукавство в
глазах.
В испуге, спиной прислонившись к стене, искала она оправдания
и медлила, чтоб не ответить, и время тянула, и все для того,
чтоб не выдать себя. Значит, ради него потрачено двадцать лет,
двадцать лет ожиданий, надежд, сокровенных желаний, ради этого
жалкого,
седобородого, в брызгах кровавых? Сохраняя молчанье, она
опустилась на стул,
и неспешно она оглядела убитых своих женихов, словно там, на

полу,
увидала холодную грудь своих убитых желаний. И сказала ему:
«Входи!»
Собственный голос ей показался чужим и далеким. А прялка в
углу
на голый квадрат потолка надавила решетчатой тенью – и все эти
птицы, которых она
выткала на зеленой листве блестящим вишневым шелком, внезапно
в ту ночь,
когда стряслось возвращение, стали пепельными и черными,
летая низко по гладкому небу ее исчезающего терпения.

• Напоминание

К чему ты копаешься в этих вещах (почему? кто виновен? так ли
это происходило
или совсем иначе?) – бесполезно, конца не видно. Все одно и то
же. Вспомни Фола,
сын Силена, он молча стоит один, после бойни, в своей пещере в
ту ночь,
когда луна была на ущербе; он удивлен, восхищен, вынимая жало
стрелы
из мертвого бока: «Как могла такая ничтожная вещь
сокрушить прекрасные, большие тела?» – и внезапно стрела
выпала из его громадных ладоней, вонзилась в ногу и
пригвоздила.
И возможно, тебе не дожидаться Геракла, чтобы вскоре тебя
схоронить,
и так схоронить, чтобы имя твое уцелело хотя бы в связи с
великаном,
с его четвертым и самым известным подвигом, поединком с
эриманфским вепрем,
и чтобы где-нибудь в уголке на аттической вазе, легким нарезом
изобразили
твое лицо – пусть бледный намек, но рядом с дерзким Героем и
на серебряном пифосе.

Фол, сын Силена – кентавр. Когда Геракл охотился за

Эриманфским ведром (четвертый подвиг), Фол радушно принял героя в своей пещер и угостил его вином. На запах вина сбежались кентавры и напали на Геракла. В схватке Геракл перебил их. Нечаянно Фол уронил себе на ногу стрелу, отравленную ядом Лернейской гидры, и умер. Геракл устроил ему пышные похороны, а Фол был помещен богами на небо и превращен в созвездие Стрельца. Пифос – большой яйцевидный сосуд для хранения зерна, обычно украшенный рельефами.

• **Образцы**

Чтобы мы никогда не забыли, сказал он, золотые уроки, те уроки искусства греков. Небесное всегда вплотную с повседневным. Наряду с человеком, животным и вещью – браслет на запястье богини нагой; цветок, ниоткуда упавший на землю. Вспомните, что за прекрасные зрелища на наших глиняных вазах: боги с птицами и животными, здесь и лира, и молоток, яблоко, ящик, клещи; ах, и эти стихи, где бог, счастливо свой труд окончив, мехи их огня достает, собирает по одному инструменты в серебряный свой сундук; потом вытирает губкой лицо, мускулистую шею, руки, свою волосатую грудь. Такой аккуратный, чистый, он выходит вечером, опираясь на плечи юношей, целиком золотых; плоды его творчества – они обладают и силой, и мыслью, и речью; выходит на улицу самый величественный, хромой бог, бог, живущий своим трудом.

Хромой бог – Гефест, бог огня и кузнечного дела. По источникам, Гефест выковал из золота не юношей, а двух рабынь, которые помогали ему ходить.

• **Орфею**

Этим летом под созвездием Лир мы сидели в задумчивости. Что с того, что Аида и Персефоу ты околдовал своей песней, и вернули тебе Эвридику? Ты сам разуверился в силе своей и обернулся, чтобы убедиться, и в царстве теней она опять потерялась

под серебристыми тополями. И, сгорбленный
от неисполнимого, ты возгласил на лире
одинокчество как свою последнюю истину. Этого тебе никогда не
простили
ни боги, ни люди. Тело твое растерзали Менады на берегах
бездонного Эвра. Только лира твоя и твоя голова
по воле течения суши достигли.
Так в чем оправдание песни твоей?
Разве минутный (и мнимый) союз мрака и света?
Или разве что Музы повесили бедную лиру твою среди звезд?

Под этим созвездием нынешним летом мы сидели в задумчивости.

Орфей, фракийский музыкант и певец, после того как умерла его жена Эвридика, спустился в царство мертвых, где очаровал пением бога Аида и его жену Персефону. За это они разрешили ему вывести ее из подземного царства при условии, что он ни разу не оглянется на Эвридику, идущую позади него, пока не поднимется на поверхность Земли. На обратном Орфей оглянулся и окончательно потерял свою супругу. После этого он отказался соединить свою судьбу с какой-либо другой женщиной и во время оргии в честь Диониса был растерзан менадами, а его голову и печень они бросили в море. Лиру Орфея боги поместили на небо.
Goşgular